

Я. П. Новицкій.

Малорусскія

народныя преданія, повѣрія и
разказы.

(Оттискъ изъ Адресъ-Календаря г. Александровска на 1908 г.)

АЛЕКСАНДРОВСКЪ.

Типографія Энкеля и Старчевскаго. Телефонъ № 120.

1907.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
1. Половица, нынѣшн. Екатеринославъ. Разсказъ 1.	2
2. Половица—Екатеринославъ. Разсказъ 2-й	5
3. Происхожденіе запорожцевъ. Легенда 1-я	8
4. » » » 2-я	11
5. Кін,—первоначальное названіе запорожцевъ.	13
6. Черты изъ жизни запорожескихъ козаковъ	14
7. Чумаки и запорожская сторожа въ степи	17
8. Изъ временъ татарскихъ набѣговъ. Отпоръ запорожцевъ. Разсказъ А.	18
9. Разсказъ Б.	19
10. Химородникъ	—
11. Характерство запорожцевъ въ народномъ представл. А. . .	20
12. » » » » Б. . .	21
13. » » » » В. . .	—
14. Смерть и похороны характерника	22
15. Какъ запорожцы перехитрили Потемина.—Преданіе . . .	23
16. Долголѣтіе у запорожцевъ	24
17. Великорусскіе крестьяне въ запорожескихъ вольностяхъ .	25
18. Какъ литвины воевали сериъ. Разсказъ	26
19. Вовкулаки А.	—
20. » Б.	27
21. Пустельникъ. Легенда	28
22. Плакваніе тещи. Разсказъ	—
23. Изъ воспоминаній прошлаго.—Памятныя зимы. Разсказъ старожиловъ нѣмцевъ	29
24. Тоже разсказъ малоросса	30
25. Изъ недавняго прошлаго. Архивн. документы	31

Я. П. Новицкій.

Малорусскія

народныя преданія, повѣрія и разказы.

ПОЛОВИЦА

(нынѣшній Екатеринославъ).

(Изъ воспоминаній старухи).

Разсказъ 1-й.

Въ Іюлѣ 1873 года я экекурентовалъ въ окрестностяхъ села Ольгинскаго, Маріупольскаго уѣзда. День былъ жаркій. Усталый, мучимый жаждою, я направился къ рѣчкѣ Волновахѣ, въ эту пору, правда, во многихъ мѣстахъ пересохшей, тѣмъ не менѣе обиловавшей камышемъ, осокою и другою болотною растительностью. Жажда я не могъ утолить; вода въ плѣсахъ оказалась негодною; но отсюда, въ полуверстѣ, зеленѣли коноплинники, за ними—рядъ кудрявыхъ вербъ и нѣсколько хатъ села. Я ускорилъ шаги. Не доходя къ коноплинникамъ, я замѣтилъ живую фигуру, еще ближе—узналъ опирающуюся на палку старуху. Я къ ней. Поздоровавшись, усѣлся на зеленомъ склонѣ и вступилъ въ бесѣду. Первое мое обращеніе къ ней было—опредѣлить народныя названія собранныхъ растений и объяснить употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ народной медицинѣ. Дряхлая старушка оказалась глуховатою и плохо зрячею. Она узнала на ушухъ аманъ, кермекъ, нехворощу, а остальные названія перемѣшала, признавъ нижму за деревей, шандру за «пахучую» мяту и т. д. Уложивъ растенія въ капсулю и поблагодаривъ старушку, я собрался уходить, какъ вдругъ совершенно неожиданно нашъ разговоръ измѣнился, и мы изъ области ботаники перешли къ исторіи; на это вызвала сама старушка.

Видкиля ты, сыночку?

Одалека, бабушка: отъ самого Днипра.

Знаю Днипро; знаю... Може зъ Половыци?

Нѣтъ, бабушка,—изъ Александровска, что вблизи Кичкаса.

Це бѣ то зъ Московкы, шо криноость?

Да, бабушка,—оттуда.

— Знаю, знаю... Малою було зъ батькомъ издемо Велькымъ шляхомъ поъ ту крѣпость въ Токмакъ. ¹⁾

— А Половицу, бабушка, знаете?

— Якъ же не знаты! росла въ ній; знаю ще, якъ зачинався тамъ городъ... Я сама родомъ зъ Подгородней, шо индѣ Самарью (Новомосковскъ).

— А сколько-жѣ вамъ лѣтъ?

— Багато, сынку: дев'яносто шестый иншовъ видѣ ториннен Покровы.

— Разскажете, же, бабушка, что вы знаете про Половицу?

— О, сынку, багато треба казати: неждукаю и забула уже багато. Служыла я тамъ у козака нянькою ажъ три годы. Тоди тамъ жыло запорозьке казацтво. Хаты у ихъ были вельки и мали, тико тоди планы были вельки: хата отъ хаты геть-геть, далеко—гонивъ двое, або трое.²⁾ Огороды были отъ горы, де Соборъ, та ажъ до самисенного Днипра. По гори садкы были у кажного, а по низахъ левады: въ левадахъ, було, росте кануста якъ видра, огиркы, соняшныкы, тютюнъ и всяка тамъ всячына... (Лобода була чималенька, и люди жылы все заможни³⁾), багато малы скоту: коней, хлиба, сина бжиль⁴⁾. . . По гори стоялы козацкы витрякы⁵⁾ и не такы, якъ теперь, немецкы, а меньшы, крыти очеретомъ. На Днипри.—тежъ водяны млыны на байдакахъ и було стукотять день и ничъ.

— А городъ, бабушка, когда начался?

— Городъ уже начався тоди, якъ генералы стали набигать⁶⁾ у Половицу, а потимъ и Катерина проихала.

— А вы, бабушка, видѣли царицу Катерину?

— Ин, сынку, не бачыла, мала була. Тоди не такъ було, якъ теперь; тоди, було, насъ лякають нанами: було кажуть: «Дывысь, нанъ иде!»... «Дывысь, москаль зъ ножемъ»... Мы, було, и ховамось въ куцахъ, та бурьянахъ... Сказано, дурни были, якъ телята...

— Какъ же городъ начинали строить?—разскажете!

¹⁾ Село Тавр. губ., Берд. уѣзда. ²⁾ Гоны равны 120 саж. ³⁾ Зажиточные. ⁴⁾ Пчелъ. ⁵⁾ Вѣтряныя мельницы. ⁶⁾ Наѣзжать.

— Це я мало знаю, бо мене скоро батько взяли до дому. Тоді козакъ кудись перебирались, а у мого хазяина одобрато планъ нидь городъ.

— Какъ-же, бабушка, прозывали вашего хазяина?

— Забула, сердце: давно було дило.

— А когда городъ построился,—бывали въ немъ?

— Бувала часто, якъ скоро замижъ нишля: було, возымо хлибъ, то такъ де-що продавать, або минять. За хлибъ больше всего минялы горники, мыскы, глечыкы.

— И хорошъ городъ былъ поначалу?

— Не дуже... Булы дома великы и малы, було багато и землянокъ... По гори и въ балочкахъ—скризь, було, люды живутъ въ землянкахъ.

— Что-же, бабушка, хорошая была торговля въ городѣ? Много людей наѣзжало?

— Хороша: багато було крамаривъ, перекунокъ, рашавцівъ.— Товаръ навозылы зъ городивъ.

— Какой-же тогда товаръ привозили?

— Всякий, сынку: тютюнъ, цыбулю, медъ, деготь, висн¹⁾, пше-но, дныща, мотовыла, гребни, гребинкы, вытушкы, повозкы, демыкытонъ, сытци, пистрю.

— А еще что?

— Та всяку всячыну, сынку: мазныци, тютюнъ, ярма, висн, деготь, медъ, набойку, сукно (Старуха забывалась и часто повторяла предметы перечисленія).

— Какіе же, бабушка, люди тогда наѣзжали въ городъ?

— Перекуны съ Кременчука, крамары, чужеземцы, паны... Народъ усе чудный на выду²⁾, одежда на ему не така и мова чужа, — сказано городъ... Було приїзжають одъ моря и пыкати³⁾ татары верблюдамы, навозять виноградъ, яблука всяки... Страшни гаснидськи⁴⁾ верблюды, якъ гляне на тебе,—такъ мовъ и хоче

¹⁾ Деревян. оси для повозокъ и чумацкихъ воевъ.

²⁾ По наружности. ³⁾ Полнолицые, мордатые. ⁴⁾ Дъявольскіе.

збисты... Було якъ иде татарва съ Крыму, то за тры версты чуть, якъ скриплять не мазани колеса.

— А давно, бабушка, вы были въ Половицѣ?

Давно, сынку, мабуть годивъ съ пивсотни буде. Якъ обсила диты, то уже бильше не доводилось издыть... У Самарь (Ново-московскъ), було издю, а у Половыцю ни... Теперь уже такъ за-Аралась, що и воронъ костей моихъ не занесе туды.

— А какъ давно, бабушка, вы сюда заѣхали?

— Годивъ буде сорокъ. Запхала зъ зятемъ та зъ дочкою... Тисно уже стало и тамъ, такъ мы подалися въ нови слободы.

— А знаете, бабушка, какъ теперь называютъ Половицу?

— А чомъ-же: люди называютъ Катеринославомъ, а мы, по старому, звемо—Половыцею.

На этомъ и закончилась наша бесѣда. Я далъ слово старухѣ заглянуть къ ней въ хату, но помѣшалъ мнѣ непредвидѣнный выѣздъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее уже не стало.

ПОЛОВИЦА-ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Разсказъ 2-й.

9-го мая 1887 г. Екатеринославъ праздновалъ столѣтнюю годовищину. Въ десятитысячной массѣ народа можно было видѣть представителей городовъ и селъ, видѣть людей всѣхъ сословій и національностей. Огромная площадь Преображенскаго собора и скверъ пестрѣли разнообразіемъ костюмовъ; горожане, по преимуществу, тѣснились у разукрашенной зеленью и флагами эстрады, простой народъ, селяне—у памятника Екатерины. Въ толпѣ пришлого народа одни видѣли «царицу» въ первый разъ, другимъ она извѣстна была и раньше; въ числѣ послѣднихъ присутствовалъ и 78-милѣтній дѣдъ Мартынъ Власовичъ Кравецъ-Запка, изъ с. Новыхъ

Кайдакъ. Этотъ сгорбленный, оиправшійся на цѣлку, старикъ рѣзко отличался своею добродушною паружностью: къ нему многіе, въ такихъ-же свитахъ, обращались съ вопросами по случаю событія дня, многихъ, видимо, онъ удовлетворялъ поясненіями. Въ свою очередь мы сдѣлали попытку перекинуться словомъ: знакомство съ дѣдомъ завязалось быстро и чрезъ 2—3 минуты мы уже вели оживленную бесѣду подъ тѣнью дерева. Изъ многихъ занесенныхъ разсказовъ передадимъ слѣдующіе, посвященные Екатеринославу-Половницѣ и основателямъ послѣдней—запорожцамъ.

Катеринославъ спрежду звали Половыцею, бо такъ звали слободу, де теперь городъ, а инчи звали его Невинчаною губернією¹). Давно, ще молодымъ, зайшовъ я съ Таврінъ въ Херсонъ. Тоди уже въ городахъ почалы гроши личить на срібло, а въ слободахъ, було, все на ассигнацію. Отъ ходю разъ по базару и бачу, перекупка продае груши. Почемъ, кажу, чашка? — Копійка.—Сынъ дві въ заподу. Всыпала. И даю шага (грошъ).—Шо це ты даєшь?—каже: на срібло дві копійки.—Дежъ тобі, кажу, у біса взяти конієкъ срібныхъ: ихъ-же катъ-ма.... «Вона розсердилась и нита!» зъ яки ты губерніи?»—Съ Катеринославскои, кажу.—А, де зъ Невинчанои... тымъ вы и счету не знаете.—А вы, кажу, -розумни? У насъ въ губерніи тико одна балка Невинчана, а у васъ скризъ продають тютюнъ нидь церквами. Взявъ и вернувъ їй груши.

—А за шо-жъ, диду, балку прозвали Невинчаною?

—Та все-жъ за те, шо колысь тамъ люди жылы невинчани. Попервыхъ городъ бувъ зовсемъ малый, то сюды, було, и находитъ салдаты, салдаткы, бродягы всяки, кацання... Инчий живику, дитей кинє, нича—чоловика; ихъ ништо тутъ не пытавъ: видкиль и хто. Въ порахъ, було, и калатають викъ. Народъ бувъ все голый, та роспутній... Покойный запорожець Берлымъ розказувавъ, шо у ихъ не було оцего поганого звичаю дайтъся такъ, якъ теперь; теперь мала дытина и та гне поматерщия; все це

¹) У малороссовъ слово „губернія“ часто употребляется въ смыслѣ губернскаго города. „Издывъ въ губернію на ярмарокъ“ „Визъ хуру (кладъ) зъ губерніи“.

зайшло до насъ видъ кацанивъ, съ тією Невинчаной балки. У запорожцівъ—«еретичий сынъ», «еретича душа», «скурвий сынъ», «копанка, або ето конанокъ чортивъ»—це найбільша лайка. Вони більше черезъ цю лайку, та распутство и перебралыся изъ Половици въ Михайливу, та Краснополъ.

Изъ старожиловъ Половицы, Кравецъ знаєть, и то по розказамъ другихъ, извѣстнаго запорожца Коржа, повѣствованіями котораго, въ свое время, воспользовались епископъ Гавріилъ и Скальковскій¹⁾. По его словамъ, вблизи Екатеринослава, въ степи, по направленію отъ литейнаго завода, есть двѣ большія могилы, извѣстныя подъ именемъ «Коржевыхъ». Тамъ была и степь Коржа. Еще раньше, эти могилы, по его словамъ, назывались «Близницы». Ихъ, однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмидвумя большими «Близницами», которыя видны на степи Лопманской Каменки.

Далѣе рассказчикъ нашъ повѣствуетъ. Въ Новыхъ Койдакахъ умерла баба Иванчыха; їй було більше 100 годъ. Розказувала, покойна, що дивчиною вона бачыла царицю Катерину... Тоди въ Новихъ Койдакахъ бувъ городъ, бувъ и земський судъ, и вона тутъ и остановылась съ своимъ хлѣбомъ²⁾. Съ Койдаківъ поїхала въ Половицю, а тамъ жили самі запорожці. «Дай, каже, посміюсь надъ ными». Выбрала десять чоловікъ самихъ устатихъ, посадила за стілъ и каже: «дайте имъ сметаны». Поставыли дви здоровенни мыскы. Запорожці моргъ одинъ на другого, а потимъ кажуть: «вели намъ, мамо, перше³⁾ подать полевой сметаны, що Божа бжода наносыла, а тоди поїмо и цю».—«Добре, каже, подайте имъ мыску меду». Выли той медъ, понамазували вусы, позакручували ихъ за вуха и давай стебать сметану. Настебалысь—и вусы сухи. Глянула на ихъ Катерина и каже: «молодши вы, запорожці: васъ ничымъ не проведешъ».

¹⁾ Гавріилъ.—Сочиненія т. II „Устн. повѣств. быв. Запорожца Никит. Леонт. Коржа“ стр. 1—101 Москва. 1854; Скальковскій А. Изустн. преданія о Новорос. краѣ Журн. министер. народ. просв. 1838 г. Голь, 1839 г. февраль.

²⁾ Флотъ. ³⁾ Прежде.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Легенда 1-я.

Вымирають старые люди, уносятъ въ могилу старую память. Въ с. Ольгинскомъ, Маріупольскаго уѣзда, я знавалъ дѣдовъ Пилипа Молодика и Андрія Иващенко; это было въ 1876 году. И Андрій и Пилипъ—люди бывалые, много слышали, много видѣли свѣта; Пилипъ много лѣтъ чумаковалъ, Андрій—всею молодостью провелъ въ бурлачествѣ, жилъ въ «забродахъ»¹⁾). И чего только, бывало, не услышишь отъ нихъ! Разъ, помню, завелъ рѣчь Пилипъ о томъ, что пчеламъ скудно жить, что въ степи вывелись терны, исчезли цвѣты, перестала родить гречка. Андрей вздохнулъ, покачалъ головою и повелъ рѣчь о старинѣ, о пережитомъ привольѣ. Вспомнилъ онъ дѣда, отца, дѣтство, жизнь въ забродахъ, бурлаковъ. Съ воспоминаніемъ о дѣдѣ, въ его памяти воскресли и «дикое поле», и «Великій дугъ», и Дибирь, и лиманъ, и море, и Запорожье.... Рѣдко и очень рѣдко найдете старика, который-бы съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ такимъ умѣньемъ повѣдалъ вамъ о прошломъ. Слушаешь,—бывало, дѣда за полночь, слушаешь и не наслушаешься. По разсказамъ Андрея, дѣдъ его былъ запорожецъ, прожилъ болѣе 100 лѣтъ. Рано лишился Андрей матери: поэтому дѣдъ его «съ пупку» вынянчилъ, выкормилъ и воспиталъ.

Всеъ записанные нами разсказы дѣда Андрея полны интереса и представляютъ отголосокъ сѣдой старины. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ о Запорожцахъ, записанный въ 1876 году.

«Якъ бувъ я малымъ—разсказываетъ онъ,—то за дидомъ бигавъ слидкомъ, а якъ подбильнавъ—дидъ за мною. Я, було, горобцивъ деру,—дидъ шанку подставля, я кони паеу,—дидъ за подпасыча. Дидъ любивъ розказувать,—я любивъ слухать. Винъ мені и за-

¹⁾ На рыбныхъ заводахъ Азовскаго моря.

спива, и сказку розскаже, и загадку задасть. Якъ бы не дидъ, я не бувъ бы въ забродахъ, не знавъ бы ни лыману, ни моря, ни бурлакъ; не чувъ бы про запорожцвъ, шо воно за люди и видѣля... Винъ менн все выходы розказавъ про Запорожцвъ. Дидъ розсказувавъ такъ.

Якыйсь-то бувъ русьскый царь, шо стоявъ нидь страхомъ у чужеземця... це давня давнына... Такъ ото нашъ царь тому неприятелю и платывъ подать людьмы: було займе, якъ отару овецъ тай жене. Кто було иде до неприятеля, то уже не вернется: поминай якъ звали. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому суноостатови людей самихъ отбирнихъ. Выйшли вони къ степъ, посоветувалысь и кажуть: чого мы идемо до проклятого кимлыка-мухамеда? На заризъ? Есть мижъ нами ковали, шевци, ткачи, ганчари, шановалы; есть знахари, характерныкы; давайте тутъ жить. Подалысь вони въ лѣсъ, въ пущи, повикопувалы земляны и давай жыть.

— Что же, имъ не досталось отъ царя за непослушаніе?

— А шожъ имъ зосталось робыть, коли у того царя не було жалю и на макове зерно! Тобъ треба гришмы платыть подать, а винъ мыромъ (людьм)...

— Дальше, диду.

— На другой годъ, свѣять найшло людей, на третій опять; — стало цiele вѣйсько. Отъ суноостатскій царь и пыше нашому: «чомъ ты, каже, людей не даєшь»? Нашъ и одвитуе: «посылаю тобі, каже, шо року»... Багато годвъ минуло, попереминалысь и цари въ земляхъ, а люды все намножаються и намножаються въ дыкымъ степу. Ставъ неприятель докучать имъ набѣгами, и давай вони бѣля его ворожыть. Стико не вошло вѣйска, вони все и порубають... Характерныкы булы велики!... Стала ходыть чутка, шо живутъ десь запорожци—таке страшне вѣйсько, шо и не прыстунышь.

— А кто же, диду, управлялъ запорожцами?

— Кошовый... Вѣйсько выбере характерныка, тай орудье винъ нымъ.

— А земля чья же это была?

— Ни чья, дыка: тутъ кышавъ звирь, гадъ, та птица Божа.

— Долго ли, диду, жили такъ запорожцы?

— Покры одвоювали у турка землю.

— А много они отвоевали?

— Чымало: одъ Орли та до моря шырынею, одъ Бога — рички та до «Горилотоу ния» довжынею.

— Гдѣ же этотъ «Горилый нень»?

— А туды идѣ Донщину, за Савурь-могилою.

— Что же это такое за названіе «Горилый нень»: урочище такое?

— Тамъ могила, а бѣля нея рѣсъ дубъ и такой товстѣйшій, шо насыду було пять чоловікъ обхвате. Якъ усохъ той дубъ его обпалылы, и довго чоринѣвъ винъ середъ стѣну; его видно було за сорокъ верстѣ. Якъ сизидировали запорожцы, то бѣля того горилотоу дуба живѣ якыйсь гайдамацькій ватажокъ, а на Савурь-могили-другой — Сава; ото винъ якъ схоче до себе покликать Саву въ гости, то почепе на дуба коняцю сина, дожде ночи и підпале. Побаче Сава огонь, — на коня, и скака...

— Диду, а куда же дѣвались запорожцы?

— Идѣ турка пишылы.

— Какъ же это случилось?

— А ось якъ. Стали ворогы докучать царици, шо буцимъ бы то запорожцы шкоду роблять, вона збрала вѣйсько и пишла на ихъ.

— Какъ же звали Царицу?

— Екатерина.

— Ну, что же, и завоевала?

— Та дежъ пакъ!... Зѣйшылысь москали, зѣйшылысь и запорожцы. Москали стрѣляють, а запорожцы полы подѣтавляють... По-набиралы повни запалы куль, тай пишылы до царици. «Вѣлыкый свѣтъ, матусю! на тоби оци зарялы, вони може згодяться». Вона дывувалась, тай каже: «являйтесь ка миѣ, я васъ утащу». Зибра-

лись запорожці до неї, а вона и пита: «какъ вы живете, яловое, запорожское войско, безъ жены?» «Живемо, кажутъ, такъ: сорочку помы вс... цоты обидравъ, бо никому прать»... Угостыла вона запорожцѣвъ и пишла въ ихній старъ. Дивиться,—хто чоботы квацное дѣтемъ, хто... хто матню лата, хто кашу варе, хто нужу бѣе, а ничій-вуса круте... «Что же у васъ такое нестройное войско?»—пита царица кошового. Та такъ, каже, матусю,—замыреніе: нипротивъ кого строятся...

— Діду, какъ же это запорожцы подъ турка ушли, когда ихъ и цуля не брала?

— А такъ: стали ихъ претиснять, ставъ Хотемка населять слободы, сажать немцівъ... взяли воны и подались: яки за Кубань, яки поспулись въ Турецьшу... Прийшли, а панна и каже: «тоди я васъ прийму, якъ заприсяжете вѣрно служити въ мой землі».— «Добре, кажутъ, согласни»... Стали збирати ихъ нидъ присягу, а у ихъ у каждого въ торбыни була христїанська земля: воны понасыналы въ чоботы земли, нидійшли нидъ присягу и кажутъ: «на чий землі стоимо, тому цареви и будемо служити»! Такъ воны и робылы: було въ турецьшини жывать, а помичъ дають своимъ хрещенимъ.

— Что же, діду, и до сихъ поръ запорожцы живутъ подъ туркомъ?

Есть, кажутъ, та мало: ихъ выведено видтѣль, и тутъ уже воны перевелысь...

Легенда 2-я.

Запорожцѣвъ спрежду було всего шестынадцать чоловікъ и звались воны Черногорами. Повервахъ жылы воны десь выше пороги въ лѣсу, а поръ той лѣсъ ишовъ бытъи шляхъ. Дѣзнався якыйсь то царь, но по тѣмъ шляху великый розбой, и пославъ

військо. Черезъ стіко тамъ днівъ дійшло військо до того лісу и сунуло прямо въ пущу... Іде, воно, тай іде, іде тай іде,—колы чує—якъ затрищить, якъ залущить... Глинуло воно, ажъ на дубахъ курени, а виділя виглядають Чорногоры. Генераль до ихъ:

— Шо вы за люды?

— Чорногоры!

— Злазьте изъ дубивъ!

— А шо-жъ вамъ видъ насъ треба!

— Треба, щобъ вы здались,—отъ шо!

— Знаєте шо, люды добри, каже кошовый,—мы таки хрещени якъ и вы, отбываться не будемо, а лучше идти собі зъ Богомъ, виділя прийшли!

Генераль той якъ крикне:—палы!... Стали вони палыть, та не по Чорногорахъ, а сами по собі—и вялягы якъ снопы...

Явився самъ царъ и выклика трехъ чоловікъ. Прийшли. Винъ за пистоль та до ихъ... ажъ воно не те: руки такъ и одірало... Смыкавсь винъ, смыкавсь, та тоди и просе: «Ой, брати, не пустуйте!» «Добре, кажуть: дай же намъ впередъ бомагу, щобъ була намъ земля обмежована и щобъ, хто за межу перескоче,—той и нашъ!» Царъ обіцавъ и ставъ володать руками. Выдавъ имъ бомагу и назначивъ межу за єто веретъ выще порогивъ и за єто веретъ низче порогивъ. Якъ силы вони кошемъ на порогахъ,—народъ такъ и сунувъ до ихъ. Тоди уже земля назвалась козацькою, а люды—запорожцями.

Оттакъ я чувъ зъ молоду отъ старихъ людей. Тенерь покоління запорожцівъ, шо кинуло Січъ за Катерины, живе, кажуть, нидь туркомъ на Чорнихъ горахъ, и козаки опять звутся Чорногорами.

Дідъ Дмитрій Степ. Выговскій, 78 л.,
м. Никополь, Екат. у. 13-го Іюня 1894 г.

КИИ—ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАЗВАНІЕ ЗАПОРОЗЦЕВЪ.

Раззореніе Сѣчи.

Мій дядько, Матвій, умеръ 110-ты годъ въ пятьдесятъ вторімъ году (1852). Розказувавъ, що спрєжду запорожци звались *кїямы*, и не тутъ жылы, а дєсь въ лїсахъ, нидь Кїевомъ. Кїямы звались видтого, шо ходылы на розбой съ кїйками. Якыйсь, кажуть, князь *Амлынъ*, чи шо, ставъ набирать ихъ въ свое вїйсько и сказавъ: «якъ поможете мени звоювать турка,—дамъ вамъ стєны, балкы, байрагы и ввєсь нызъ Днипра: будете жыть вольно». Збїралысь воны всї, стїго було и звоювали турка. Амлынъ тоди давъ имъ Днипро и стєнь нызче порогиъ и стали воны запорожцями. Було у ихъ 40 курєнивъ и 40 тысячъ вїйська, та Катєрына зигнала и отдала зємлю нимцямъ... Амлынъ той, якъ дававъ зємлю, то казавъ: «буде вона ваша, покы свить сонця»; а Катєрына ужє не те сказала: «лайте, каже, бумагу, шо цє ваша зємля». Воны тоди сюды, туды—нєма. Якъ стало вїйсько противъ запорожцивъ, а характерныкы и выйшы. «Ну, кажуть, славаться не будємо,—быйте! Москали за ружкы, цїлять въ ихъ, а воны клацъ! клацъ! клацъ!—и не палять; глянулы, ажъ порохъ мокрый... «Ну, кажуть, васъ, мабудъ, и чортяка не звоєє». Характерныкы зовєнмъ не хотїлы злаваться Катєрыни, та вїйсько сказало: «ни, братьци, у насъ єсть батькы и диты: москаль ихъ вырїже». Взялы тай зланыєя.

Осинъ Леонт. Шуть, 70 лѣтъ, рыбаль-
ня на островѣ Хортицѣ, 15-го Сєнтября
1888 года.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

(Продолженіе разсказовъ Кравца.)

Кравецъ постоянно вспоминалъ запорожца Семена Берлима, жившаго въ Новыхъ Койдакахъ. По его словамъ, Берлимъ служилъ у запорожцевъ за кухаря (кашевара) и умеръ 120 л. Вотъ что повѣствуетъ Кравецъ словами Берлима о запорожцахъ.

Запорожцы жили скрізь по Дніпру, въ Великому Дуни, по стѣнахъ и въ городкахъ¹⁾. У насъ называютъ теперь «майданы», а у запорожцевъ — то были «городки». Таки городки и теперь есть въ Старихъ Койдакахъ, на Подгороднянскимъ стѣну, нѣтъ Петрыкивкою. Городки обнесени были высокимъ валомъ, а въ тѣмъ мѣсти, куды входить, — стояло по бокамъ два высокихъ стовпа. Будто кому есть дѣло до старшины — иды въ крѣпость дорогою, а якъ тѣко полѣзъ черезъ валъ, заразъ нилежачать кабычныкы²⁾ и ну кїмы: «не ходы, сретымый сыну, навпростець³⁾ ходы въ ворота!...»

Интересно также преданіе о томъ, какъ запорожскіе старшины обращались съ «товариствомъ».

«Запорожцы часто грабували ляхы и туркы, а за те, було, не спускають нѣтъ и запорожцы. У ихъ была черга⁴⁾ — кому пхать на роздобытки, кому дома буты. Оце, було, позыжжуются въ табурь⁵⁾, то старшина и пыта каждого, шо винъ привизъ. Якъ тѣко ничый вернется безъ ничого, або проше въ дорожю, заразъ и кричать: «кївъ, сретычому сыновн». Всыпять по тры кїа въ сыну, тай край. У ихъ бувъ такий звичай: —хоть привизъ шо —сидай ный горилку зъ старшынами, хоть кївъ получивъ —сидай, ный и ижъ. Не сердылись довго: не привизъ сегодня, привезе завтра, а все такы роздобуде на товариство».

¹⁾ Земляныя укрѣпленія въ степи.

²⁾ Отъ слова Кабыця —чагы. Помощники кашевара ³⁾ Напрямикъ.

⁴⁾ Очередь. ⁵⁾ Станъ, лагерь

Запорожскіе старшини одинаково дружеслюбно относилсь и къ заслуженнымъ козакамъ, и къ голодѣ; однако они ненавидѣли и строго наказывали тѣхъ, кто потѣшался надъ бѣдностью.

«Будо розгорюють сиромахы¹⁾ на гроши, куплять горилкы и давай кружаты. Якъ тико який дукъ²⁾ почне насмихаться, заразъ отаманъ заступиться и выплять еретычому сынови кінгъ. Про це есть и пісня»...

Ой хмаряться, туманяться, дрибень дощъ иде,

Веселая беседонька, де голода нѣ.

Ой хмаряться, туманяться, — ставъ дощъ накрапати,

Гей, пора намъ хлопци, добри молодци, наметъ³⁾ напьянать.

Напьялы наметъ, наметъ червоний, голубий стины,

Котрін дукы все багати — у намети силы.

Котрін бидни, та ще й безсчастни, й не посмылы.

Взямы кварту, а другу зъ жату⁴⁾, та й на дощи силы.

Прийшовъ до ихъ отаманъ ихъ, тай жалувать ставъ,

Скынувъ съ себе голубый бантанъ, тай наметъ напьякъ.

Тенерь хлопци, добри молодци, будемо й мы пыть,

А хто буде насмихаться, то будемо быть.

Прийшовъ багачъ, прийшовъ дукачъ, — насмихається:

«За вищо ця, несчастна голода, напьявается!»

Обизвався нанъ отаманъ голоди зъ намета:

«Визмий дукъ за чубъ, за руку, та выведи геть!»

Одынь взявъ за руку, другой за чупрыну, третій дуло бье⁵⁾,

«Не йды багачъ, привражый дукачъ, де голода нѣ»,

Бидна голода загорювала, тай загуляла,

А якъ не стане—ще загорюемъ, та выпять будемо пыть,

А хто буде насмихаться, того будемо быть.

Помижъ запорожцями багато було характерныкнв⁶⁾. Вернымъ розказувавъ про Кравчыну⁷⁾, котрый въ Польщи піймавъ ко-

¹⁾ Бѣдняки. ²⁾ Богачъ. ³⁾ Палатка. ⁴⁾ Шутка. ⁵⁾ Рукоплещеть—„бие въ ладоши“

⁶⁾ Знахари колдуны ⁷⁾ Кравчина въ козацкомъ смыслѣ, отрядъ, ватага: нашъ же разказчикъ окрещиваетъ Фамиліей кравчины запорожскаго ватажка.

зацького душугуба (Саву*). И про це есть пѣсня... Оце, було, бьются запорожци зъ ляхами и, гляды, ляхы побывають нашихъ. Якъ тико наскоче Кравчына, такъ ляхамъ и нема ходу. Кули¹⁾ летять, а запорожци ловлять ихъ въ заполы. А якъ треба перейты ричку, то Кравчына поведе передъ, и стане сухо. Такъ, було, въ сухій одежи переходять запорожци и Ориль-ричку... А то було ще й такъ. Якъ треба пливсты Днипромъ, то зроблять зъ оскитягу²⁾ плыть³⁾, посідають и гайда⁴⁾ за водою...

Запорожци сами курылы горилку. У ихъ, казавъ Берлымъ, караванивъ⁵⁾ не було, а такъ прямо выбере на стѣну глыбоке провалье⁶⁾, зробе халунку⁷⁾, тай куре... Тамъ у его шапелы⁸⁾ и весь инструментъ⁹⁾, якъ и въ каравани. Горилка була далеко добриша, ніжъ теперъ.

*) Выросши и воспитавшись въ Сѣчи, ватажокъ *Савва Чалый* впоследствии передался полякамъ, былъ приверженцемъ Орлика и злѣйшимъ врагомъ запорожцевъ. Съ шайкою отчаянныхъ гайдамакъ, онъ разрушилъ Гардъ, грабилъ запорожцевъ и, по народнымъ пѣснямъ, съ живыхъ сдиралъ кожи. Наконецъ неожиданно („характерствомъ“) былъ схваченъ запорожскимъ ватажкомъ *Тхаткомъ Толымъ* съ помощію *Кравчины* и, по однимъ, убитъ на мѣстѣ (Антоновичъ), по другимъ—доставленъ въ кошъ, изрубленнымъ и засѣченъ кіями (Скальковскій). Подробности объ этомъ, воспѣтомъ въ народныхъ пѣсняхъ, ватажкѣ см.—*Скальковскій*. Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII. в. Одесса. 1849. Стр. 45—49 и *Антоновичъ*. Исслѣдованіе о гайдамачествѣ по актамъ 1700—1768 г. „Кіевъ. стр. 116—121.“

1) Пули. 2) Болотное растеніе. 3) Плоть. 4) Пошелъ. 5) Винокуренныхъ заводовъ. 6) Оврагъ. 7) Крыша, навѣсъ. 8) Чаны 9) Инструменты.

ЧУМАКИ И ЗАПОРОЖСКАЯ СТОРОЖА ВЪ СТЕПИ.

Колысь стѣны булы дыки, шляхивъ мало, та и то одинъ отъ другого на 50—100 верстъ. По великихъ шляхахъ въ Крымъ стояла запорожська сторожа, а по балкамъ шлялась татарва та нагайва. Чумаки тоди ходивъ валками¹⁾ возивъ 100—200 и больше, щобъ охитвише²⁾ було. Оце иде валка, ажъ ось надъ шляхомъ стоить ратыще³⁾. Тутъ, значить, клады чумаки харчи сторожи. Ничій кладе хлѣба, сухаривъ, торбыну борошна, щона; ничій сала, солы, цыбули, тарани. Покладуть и гайда соби. Идутъ воны, колы ось унять ратыще и уже середъ шляху. Тутъ уже выпрягай чумаки и стій, бо на переди залягли туркы або нагайки. Пасуть чумаки воливъ, колы ось, якъ витеръ, летить верхамы запорожци. Запрягають тоди чумаки воливъ и пауть, а попереду козаки. Верстовъ десятокъ чи больше проидуть, а тамъ унять козаки. Тоди ци вертаются, а ти проводить чумака дальше. Чумаки, було, даютъ запорожцямъ и гроши, и могорычъ, а ничи и вола на маханъ⁴⁾. Скотъ тоди бувъ ниночомъ. Каждый чумаки бравъ про случай паръ дви-тры зайвихъ⁵⁾. Булы таки чумаки, шо не слухалы сторожи: скинуть зъ дороги ратыще и дальше поганяють. За те имъ и доставалось: або запорожци плечи намагають⁶⁾, або татарва побье, а воливъ займе.

Дѣдъ Иванъ Карданъ.

Александровскъ, 16-го декабря 1884 г.

¹⁾ Обозами. ²⁾ Безопаснѣе и веселѣе. ³⁾ Древко пики.

⁴⁾ На мясо. ⁵⁾ Лишнихъ. ⁶⁾ Набьютъ нагайками.

ИЗЪ ВРЕМЕНЬ ТАТАРСКИХЪ НАБѢГОВЪ—ОТПОРЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Разсказъ А.

Покойнои моеи матери батько, а мій дидь Иванъ Товетокорый бувъ запорожець. Винъ все, було, розсказує якъ Измаиловъ брали, такъ якъ Украину обиждала орда. Оце, було каже, зайде орда въ село, забере скоть, людей, добро всеке, а малихъ и старихъ по-вбыває, посуду потрощить, пирья съ подушокъ розвїє по витру. Управыться въ одній слободи—иде въ другу, трєлю, а потимъ и жене скоть, людей пидъ хана. Подушки татары розривали за для того, шобъ друга орда бачыла ихъ слидъ и йшла дали. Якъ зачують, було, люды, шо орда наступає, то вони и сами дають їй одводъ: визьмутъ пороспорують подушки, пирья выкынуть на улыцю, а сами ховаються по лєсахъ, въ норахъ, погрибахъ. Орда добижыть до слободы, побаче пирья тай дали...

А дитей, бидненькихъ, якъ мучылы!... Розсказувавъ покойный дидь Олійныкъ, шо було посаждать ихъ на одну лаву, а другою замахнуть по головкахъ,—тамъ вони и поснуть на вики... Було и такъ: оце трохи одтягнуть лаву, шобъ поставитъ дитей до стины, а пидъ шыйки лавою жъ и подушати... Былы несчастныхъ и головами. Оце одну дытыну посаде доли, а другу схопе за ноги, розмахне, та головою объ голову и побєе.

Багато розсказувалы покойни диды. Разъ, кажуть, забигла орда въ слободу, вырубала людей, а стара баба возьмы тай сховайся въ коминъ. Якъ на те зайшлы татары въ хату и найшлы цыбулю. Отъ одынъ покуштувавъ—плюнувъ и каже: «Ну, тай гирка руєська постырнака!» Не втерпила баба, тай обизвалаєсь съ комина: «Ни, паночє, то не постырнакъ, а цыбуля»!—«Ну, каже татарынъ, колы цыбуля,—вылазь марушка!».

Федоръ Мих. Книрикъ, 61 г., Языково,
Екатери. у., 29 ноября 1888 г.

Розказъ Б.

Розказувавъ дядько Матвій¹⁾, якъ запорожци побывали орду. Разъ, каже, вѣско стояло на Орили нидь Царычанкою²⁾. На зори, передь свитомъ, чуемо, — земля стогне, клекить³⁾ десь. Попренадали до земли, слухаемо—орда йде. Мы посиддали коней, та назустрічь. Сталы добгати до Ордыньского шляху,⁴⁾ ажъ люды ячать⁵⁾; мы тоды стико духу, и давай рубать орду. Управылись, тоди порозъязувалы людемъ руки и пустылы зъ Богомъ. Орда найбильше загапала въ неволю людей зъ городивъ⁶⁾.

Осипъ Шутъ, 70 л., островъ Хортица,
1 января 1888 г.

ХИМОРОДНИКЪ.

Въ Велькому Лузи, ще за запорожцивъ, живъ химородникъ Хвесько. Его дуже боялись и слухалы козаки. Оце, було, лежить чоловікъ, а винъ риже чорну редьку. Якъ тико пусте редька сокъ бильй—чоловикови стане трудно; якъ стане сокъ чорнить—чоловикъ умира. Винъ тоди поробе, шо редька вбере въ себе сокъ чорный, пусте бильй—и чоловікъ оживе. Фесько мавъ сына, тико ему цего характериства не передавъ. «Ты, каже, сыну, дуже сердитый; одроблювати не схочешъ и чоловікъ умре».

Оксентій Орель, 65 л. Кушугумовка, Алек-
сандр. у., 28 декабря 1885 г.

¹⁾ По свидѣтельству рассказчика, Матвій Шутъ умеръ въ 1852 г. 110 л. онъ выросъ и «козакувавъ» въ Запорожьѣ до паденія Сѣчи.

²⁾ Старожитное запорожское село Кобылякского уѣзда, на р. Орели.

³⁾ Шумъ, говоръ.

⁴⁾ Ордыньскій шляхъ—десь была Царычанка, иде черезъ Ориль. Теперь винъ звется Крымскымъ. Рассказчикъ.

⁵⁾ Кричатъ, говорятъ.

⁶⁾ Населенныя мѣста Полтавской губ.

ХАРАКТЕРСТВО ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ НАРОДНОМЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ.

А.

Земля, де мы живемо, одвоевана у турка, Богъ его зна, за якого царя. Орда, кажутъ стояла на Хортивському острови, а русьскє вѣйсько противъ неи, де теперъ Вознесенска^{*)}) Отъ почалы воювать. Орда обкопалась и нае съ пушокъ, а москали товпнятыся та падають. Якъ уже полягло багато москаля, царъ вставъ, тай журитьсѣ. Коли де не взявся запорожець: бѣжыть конемъ, та прямо до царя. Здоровъ царю!—Здоровъ козаче!—А шо—якъ?—Такъ и такъ, каже царъ: полягло вѣйска богато, а турка не визьму.—Ставай, каже, бѣля мене! Царъ ставъ. Запорожець пиднявъ руку и пѣймавъ ядро. «Ось бачъ, каже, який гости-нець! Ну, теперъ, каже, глянь на остривъ: шо тамъ?» Глянувъ царъ, ажъ турокъ самъ себе руба, самъ на себе пиднявъ руку и пишовъ потоптомъ.^{**)}) Пиднялась велика курява, закрюкалы крюкы^{***)}), а потимъ стыхло.—«Дывысь теперъ, каже запорожець.» Глянувъ царъ, ажъ нема ни одного живого турка, порубалы сами себе, а крюкы выдовбують очы. Царъ тоди и каже: «Ну, запорожцы, дарую вамъ цю землю, живить, погы свить сонця!»

Сталы воны разъѣзжаться. Москали посидалы на коней, а запорожцы прослалы на Днипри повесть, тай подальсѣ до лыману.

Дѣлъ Иванъ Кардашъ.

Александровскъ, 16 декабря 1884 г.

*) Село Александровскаго уѣзда, противъ о-ва Хортицы.

**) Самъ себя топчетъ.

***) Черный воронъ.

Б.

Запорожці були лицари и велики галдовныкы. Куля ихъ не брала, на Днипръ, було, простелять повсть и идуть. Катерина хотила повернуть ихъ пидъ свою власть, а воны и не схотплы. Шобъ показати сылу, прокынули повсть на моръ, набрали земли въ чоботы, горилкы въ боклагы и подалися въ Турецьину. Плевуть соби та спивають.

Дідъ Онисимъ Петренко,
С. Балабино, 24 февраля 1885 г.

В.

Мій дидъ все, було, розказуе про запорожцівъ. Знатни люди были! Було якъ збираються въ Польшу, то берутъ не бильше якъ 12 чоловікъ; зайвого шобъ не було. Ватажокъ, було, приказуе: «глядить, хлопцы, якъ прийдеться тикать, то не розбигайтесь: держитесь куны». Ихъ мало, а ляхввъ багато, то оце, гляды и бжыть погоня. Воны поветромляють ратыща въ землю, поставлять коней хвостамы до хвостивъ, а сами въ середину и поховаються. Гонятся ляхы и брычать: «Рембай главу»! Добпжати до ихъ и покажется имъ лисъ; воны тоди и повертають коней назадъ.

Дідъ Трофимъ Ковбаса, 89 л., д.
Изыково, Екатер. уѣзда, 6 іюля 1886 г.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ХАРАКТЕРНИКА.

Ще за Катерины, на балци Таволжаній¹⁾ живъ запорожець Довгий и бувъ винъ превелькый характерныкъ... Старый, дуже старый бувъ винъ, та ще й одынокый. Ставъ винъ померать,—а померавъ винъ не разъ,—и звеливъ наймытови покликать еусида Пластуну²⁾. Довго вони балакали, а дали Довгий лигъ тай умеръ. Пластунъ и каже наймытови: «Ну, лягай, сьну, спать, а я пиду подюю коровъ». Ппшовъ. Наймытъ приввввввв мертвого канатомъ за шью и за ноги до лавы, взявъ скрипку тай грае собі на дворі... Чы довго винъ гравъ, чы нп, колы чуе—товчеться шоеъ въ земляниці. Заглянувъ винъ туды,—колы мертвый совасться по лави... «Товчысь, каже, Марку по ярмарку:—чорта зъ два выкрутысь!... Грае винъ упать, та вытрындыкуе... Трохи згоди, слуха,—зновъ товчеться мертвый»... Отъ прыходе дидъ Пластунъ. «А шо, пыта,—не вставъ ще нашъ мертвый?»—«Нп,—каже,—пручався. такъ я его прекрутивъ до лавы канатомъ».—«Добре-жь,—каже, шо догадався,—а то винъ бы тебе задушывъ»...

Зійшлося тамъ чоловіка стико запорожцівъ, выконали яму и давай ховать безъ попа. Якъ спустилы его въ яму, Довгий и каже: «ну, братці, давайте обыковый килокъ, та будемъ печатать. Забылы ему килокъ въ груди и засыпалы землею.

Гаддовныкывъ попы николы не ховалы, а ховалы ихъ запорожци по своему...

Дідъ Яковъ Мусієнко, 80 л.,
с. Свистуново, Алекс. у., 19 Іюля 1882 г.

¹⁾ Таволжаная балка въ Александровскомъ у., устьемъ выходитъ въ Днѣпръ и составляетъ живую границу дачъ—владѣльца А. А. Иваненко и с. Петровскаго-Свистунова. Я. Н.

²⁾ Пластунъ живъ на другій вершынѣ балки въ байраці (въ лѣсу), котру зовемо Пластунівською. *Розказчикъ.*

КАКЪ ЗАПОРОЖЦЫ ПЕРЕХИТРИЛИ ПОТЕМКИНА.

(Преданіе).

Якъ зруйновавъ Потемка Спчь, запорожци давай смолыть байдакы та дубы, давай тикать въ Турецьину. Довидався Потемка, тай каже: «Ну, скурви сыны, колы-жъ вы такъ, такъ я-жъ вась ось якъ»... Звеливъ винъ выще Ныкыполя натягты канаты одъ берега до берега и поначеплять дзвонькы, а на Днипро понаводять пушкы. Думка, бачъ, була така: якъ тикатемуть запорожци вночи, —дзвонькивъ не мынуть,—туть имъ и гакъ¹⁾).

Ждуть ночи москали, ждуть и запорожци. Стало вечерить, —запорожеськый ватажокъ и каже: «Рубайте, хлопци, гильчасти дубы, та будемо рушати!» Зрубалы съ пивсотни дубивъ, пустылы въ Днипро за водою, а самы посидалы на байдакы и поплевлы тихенько. Темна була ничь!. Опивночи доплевлы дубы до канативъ, а дзвонькы сразу: дзелень, дзелень, дзелень!.. Москали до пушокъ, та зъ обохъ бокивъ—бухъ! бухъ! бухъ!... Якъ выпалылы заряды, ватажокъ и каже: «Ну, хлопци, теперь за весла, та пора и веселон заспивать»... Затяглы запорожци веселон и покрылы Днипъ байдаками. Не мало ихъ, кажуть и пишло нидъ турка—дванадцать тысячъ.

Дѣдъ Трофимъ Штепа, 72-хъ л., изъ
с. Вознесенки, о. Хортица, 1 Августа 1887 г.

¹⁾ Конецъ, смерть. Собственно гакъ означаетъ крюкъ, а въ данномъ случаѣ,—попался на крюкъ,—пропалъ.

ДОЛГОЛѢТІЕ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Ии, теперь не живутъ такъ долго люди на свити, якъ колысь жылы! Игъ не було ще ни криности (Александровской), ни Вознесенки (село), тутъ, по балкахъ та по плавняхъ жылы запорожцы. Дидъ розказувавъ, якъ зруйновали Сичъ, стали сюды люди находить, стали селиться. Надъ Московкою (рѣка), кажуть, въ балыци, жыло тры запорожцы: дидъ, сынъ дидивъ и онуць,—всѣ троє были, якъ сингъ. Дидови, кажуть, було 130, сынови его 110, а онукови нидъ 90 годъ. Люди были заможненьки: багато було скоту, коней, бжолы. Жыла у ихъ и сиромашня*). Старый дидъ, дарма шо доживъ до 130 годъ, бувъ на выду червоный якъ бурякъ, пры своему умѣ, тико на ноги слабый; сынъ его, хоть и молодшій,—зовсімъ, кажуть, выжывся зъ ума, ставъ якъ мала дытына; онуць—нидходивъ нидъ своего батька. Отъ разъ, кажуть, захавъ до ихъ якыйсь панъ за паншорты сытати, чы шо, —тоди уже ця мода заводылась. Дидъ сидивъ на печи, сынъ на прыщичку, а онуць выйшовъ съ хаты. Панъ и пыта дида на прыщичку: «Шо ты за чоловікъ?»—«Запорожець!»—«А на печи хто?» «А катъ его зна, шо воно за чортика!... Стыко зазнаю—все у насъ живе»... Дидъ съ печи и обизвався до пана: «Отакъ якъ бачешъ, чоловіче: забувъ, еретычый сынъ, шо я ему и батько»...

Осипъ Шутъ, 70 лѣтъ, остр. Хортица
на Днѣпрѣ, 15-го Сентября 1888 г.

*) Сѣрома, голь бездомная.

ВЕЛИКОРУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ ВОЛЬНОСТЯХЪ.

Теперь выйдешь на гору, тай слободы видно, а годъ сто тому назадъ бувъ одинъ степъ, та чагарь¹⁾ по балкахъ. Кажуть, заразъ після того, якъ Спчъ сквасовано²⁾, поризали землю панамъ, щобъ заселяли слободы. Слобидка Татарка³⁾, съ початку населена кацапами ажъ изъ Серпухова, — Богъ его зна, де винъ и есть⁴⁾. Колысь давно кацанка розказувала ще нашимъ батькамъ, що якъ выводили ихъ видтиль въ стѣны, то казаты, що тутъ рай, а не сторона. Въ степу, казали имъ якъ выгонять коровъ въ череду, то до ригъ привязують кошовки ввечери вернуться воны до дому съ нами и приносятъ повни кошовки ягідъ: сами такъ и нападають. А люды, — хвалялись имъ, — живутъ такъ богато, що какый день пять пироги и всякому даютъ выймати съ печи съ третего, якъ колысь жали съ третего снопа. Мы, каже баба, приехали, колы цего ничего нема... Де-не-де, каже, жылы запорожци, по балочкахъ и хаты у ихъ биленьки, тикъ сами воны на выдъ страшни. Давай воны дають своихъ чоловіківъ: «Завезлы, дураки, въ сторону хахлацкую: горницы хорошія, бѣлая, а люды выйдуть — страшные, черные, голова голая (брита), да еще и съ пузьмой (чупрына)».

Старикъ Буря и др., 7 мая 1887 г.
Рыбачій кошъ на Днѣпрѣ, вблизи с. Лю-
бимовки, Новомосковск. у.

¹⁾ Мелкій кустарникъ. ²⁾ Уничтожено. ³⁾ Новомосковского у. ⁴⁾ Московск. губ.

КАКЪ ЛИТВИНЫ ВОЕВАЛИ СЕРПЪ.

(Разсказъ).

Ще за Петра первого, йшли литвины нидь Полтаву воювать шведа; йшли вони степомъ. Чоловикъ нажавъ полукинокъ жыта, застромивъ серпъ и забувъ. Побачылы литвины и дивуются: шо воно таке? Бувъ мнѣ нмы литвинъ, котрый весь свить сходывъ: разъ бувъ у млені, а другый—на базари, тай и каже: то, братци, людодѣ! Давай вони на его палить... Стрилялы, стрилялы,—ни якъ не влучать. Тоди бувалый и каже; а ну, братци, на штыкы! Якъ ударе его ратыщемъ, а серпъ шидекочывъ, та другому на шью. Той якъ смыкне—и переризавъ шью. Вони надушылы его, привъязалы бычывкою за ручку и повезлы топить у Пселъ. Посидалы въ каюкъ и кажуть: ну, треба привъязать до его камень, шобъ не спливъ. Найшлы каменюку пудивъ пнать, привъязалы и махнули посередъ ричкы. Бувалый и каже: «пускайте, братци, впередъ камень! Камень якъ смыкне серпъ, а серпъ зубьями якъ зачепе човенъ за крыла, такъ винъ и перекинудеся. Литвины потопакуть и крычать: «Ой ратуйте! проклятый людодѣ потопаетъ и людей губить!

Андрей Иващенко, 67 л., Ольгинское,
Мариупольск. у., 28 марта 1876 г.

ВОВКУЛАКИ ¹⁾.

А.

Вовкулака не звірь, а чоловикъ, зроблений вовкомъ по злоби. Разъ ихала свадьба, а спереду дружко галдовныкъ. Доихалы до

¹⁾ Оборотни.

водяного млына и захотілось дружкови похвастать. Спынывъ коней, та якъ крикне на млынъ: «тпру! Млынъ той и ставъ. Мырошныкъ тежъ бувъ гадовныкъ, вийшовъ тай собі: «тюууу!» тю! тю! Свадьба та зразу и разбиглась вовкамы!

Якъ найдеться чоловікъ, та одробе, то вернуться людьмы, а якъ ни,—вовкамы зостануться на вики.

Трофимъ Лубенець, 40 л., с. Крестовка, Маріуп. у., 18-го іюля 1905 г.

Б.

Одынъ чоловікъ розказувавъ, якъ вінъ бувъ вовкулакою. Нарубкомъ, каже, я любивъ дівку и не схотівъ їя взяти. Вона пішла противъ Велькодня до знахуря, а той и обернувъ мене вовкулакою. Идуть людь съ церкви, несуть паскы, а я бижу зъ села вовкомъ. Людь за мною съ цинкамы, гоняться, тюкають, кричать: «вовкъ! вовкъ! ловить его, бийте!»... я все чую, все розбираю и паски мени хочеться, та мову одібрало: вовкъ, тай тико! Побить я въ лѣсъ и сховався. Ночной добы найшовъ я вовкивъ, ставъ розбигать ихъ мову и бигать у шкоду. Такъ минуло два года. Разъ выголодались мы и побиглы въ слободу. Векочывъ я въ кошару и давай перекидаты овецъ черезъ тынъ: кыдаю я, а вони нидбирають... Збиглысь собаки, почалы гавкаты, выть... Потимъ де взявся ярчукъ, та до тихъ вовкивъ—и порозганявъ ихъ къ нечистій матери. Остався я одынъ въ кошари, а собаки гвалтують, та выють. Хазяинъ кошары бувъ знахуръ. Передъ свитомъ вийшовъ вінъ, глянувъ на мене и заразъ догадався, шо я не настоящий вовкъ, а вовкулака. Выризавъ вінъ тры быча и заходывсь бия мене... Репижывъ же вінъ мене, репижывъ, ажъ покы шкура лопнула. Я тоди вовчу шкуру геть съ себе и ставъ, якъ и теперь есть, чоловікомъ. Одяглы мене людь, обулы и пустилы до дому. Не богато-жъ я и йшовъ до дому,—пивгоду...

Дядъ Григорій Омельченко, 80 л., с. Крестовка, Маріуп. у., 10 августа 1905 г.

ПУСТЕЛЬНИКЪ¹⁾.

Искушеніе (Легенда).

Колысь то въ запорожськихъ пущахъ живъ пустельникъ. Довго винъ тамъ живъ и стало ему скушно: не їсть, не п'є, не молиться... Прикынувся лукавый чоловікомъ и приходе до его. «Чого пустельнику, журышься?» «Того, каже, шо одинъ въ пущахъ: скушно!» «На, тобі, каламарчыкъ съ порошкомъ: понюхаешь,—буде наче вдохъ». Пишовъ нечистый. Пустельникъ смыкнувъ носомъ разъ, вдруге, втрете—чхнувъ и стало ему весело... На другой день иде унять нечистый. «А шо, каже,—якъ?» «Весело, каже,—наче вдохъ!» «На-жъ, тобі, зилля и трубку: покурышъ—буде наче втрехъ». Пишовъ. Покурывъ пустельникъ и повеселишавъ ще дужче. Приходе нечистый на третій день, «А шо, каже, якъ?» «Весело, каже,—наче втрехъ». «На жъ, тобі, каламаръ съ канямы: якъ выпьешь—буде наче вдсятехъ». Пишовъ. Выпивъ пустельникъ и стало ему наче вдсятехъ:—якъ заспыва, якъ заграє, якъ підниме полы...—пишовъ гопака навпрысядки...

Лукавый прыносывъ ему тютюнъ и горилку, бо це его выгадка.

Дідъ Авксентій Федоров. Орель, 66 л.,
д. Кушугомовка, Александр. уѣ., Екат. губ.
28-го декабря 1887 г.

ОПЛАКИВАНІЕ ТЕЩИ.

Разсказъ.

Жылы собі чоловікъ та жінка и у ихъ жыла жынчына маты. Отъ умерла та маты. Жінка туже, а чоловікъ и байдуже. «Плачь бо, чоловіче, каже жінка: хибѣ вона тобі чужа?» Підійшовъ чо-

¹⁾ Пустынникъ, отшельникъ, монахъ.

ловикъ до покійницы, схлылся надъ нею, та якъ заголосе, якъ заголосе:—«Ой ненько жъ моя, та не ридная, жинчина маты! та ты жъ, було, вдвохъ зъ дочкою, а зъ моею жинкою, варенычки у масли исте, а мени сыроватку дасте! То я жъ, було, имъ, имъ, та й напьюся! ... «Буде вже, буде, чоловіче, каже жинка:-щобъ, часомъ, ще чого не згадавъ!..»

Палагея Касьяненко, Мало-Михайловка,
Александровскаго у., 4 іюня 1885 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРОШЛАГО.

ПАМЯТНЫЯ ЗИМЫ.

Разсказъ старожиловъ нѣмцевъ.

Въ 1824 году лѣто было сухое, не уродило ни хлѣба, ни соломы, ни травы. Такъ было на всемъ югѣ. Потомъ зима на 1825 годъ была снѣжная, съ частыми мятелями и заносами, морозная. Не имѣя чѣмъ кормить скотъ, а у иныхъ и топить, люди сдерали съ домовъ соломенные крыши, кормили животныхъ и топили. Такого корму, однако, хватило не на долго, начался падежь. Страшно вспомнить то время! Бывало съ хатъ сдирають крыши на кормъ, а козамы палыхъ животныхъ кроють хаты... Умирали съ голоду да холоду и люди. По пути изъ кол. Хортицы въ Екатеринославъ, все совершенно деревни и села стояли безъ крышъ. А по большимъ дорогамъ что было!... Бывало ѣдемъ дорогой, а по сторонамъ все кости, да трупы животныхъ, а надъ ними стаи черныхъ вороновъ... Лошади пугаются, хранять, сварачиваютъ съ дороги, несятъ по полю...

Памятенъ и 1833 годъ! Тогда въ Тавріи и у насъ былъ такой неурожай и голодъ, такой надежъ, что дрожь пойдетъ по тѣлу, когда вступишь. А нищихъ столько приходило, что бывало двери не затворяются... Даже татары съ Тавріи и тѣ заходили съ торбами (сумками)... Страшныя болѣзни, страшная смертность была и между людьми.

Старикъ менлониты, кол. Бурвальдъ-Абрамъ Левинъ, 78 л., Юліусъ Петкау 86 л.; кол. ост.-Хортицкой Пётръ Винцъ 90 лѣтъ, 10 мая 1887 г.

ТОЖЕ.

Разсказъ малороссовъ.

Після ханцузскои войны (1812 г.) була драна зима (1813). Ни скоту ни корму, ни людямъ хліба не було, та и привезты ни видкиля: всю зиму—снігъ, фуга, та заверюха. Земеты були выще хатъ. Люди вылазлы въ дымари отъ Кузьмы Демьяна (съ 1 ноябрю) до Благовіщення (25 марта). Було якъ глянешь на плавни, видно тикъ вершечки дубивъ. Голодъ тоди бувъ, не приведи Боже! Илы жолуди, курай. Курай мололы и обмишувалы зъ борошномъ. Було выймають хлібъ съ печи и идять, помы гарячий, а якъ захолюне, то жереткий, твердый и не розжуешь. Після такого хліба въ животі рижє, жме, нудыть. Зъ жолудивъ хлібъ—черный, якъ чорныло, чорныломъ и пахнувъ. Після его важко було дыхать, наче камєнь въ животі. Пидъ драму зиму лнто було суше, не було ни одного дощу, а жолудивъ Богъ зародывъ зтико, шо на дубахъ и лыстья не було знать. Скоту ни чымъ було годувать, то люди дралы крыши съ хатъ, саранвъ, повитокъ. Скотъ поивъ все, а потимъ выдохъ. Тоди люди шкурамы укрывалы